

Н. П. Барсуков

**Странствования Василья
Григоровича-Барского по
святым местам Востока с
1723 по 1747 г.**

Часть 1. 1723-1727 гг.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
Б26

Б26 **Барсуков Н.П.**
Странствования Василья Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г.: Часть 1. 1723-1727 гг. / Н. П. Барсуков – М.: Книга по Требованию, 2013. – 533 с.

ISBN 978-5-518-05236-9

Изданы Православным Палестинским обществом по подлинной рукописи

ISBN 978-5-518-05236-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

На границахъ время, раздѣляющихъ конецъ древней и начало новой Истории Россіи, а именно въ 1701 году, въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, подъ сѣнію „небесоподобной“, Печерской Лавры, въ Печерской слободѣ, у небогатаго торговца родился будущій нашъ странствователь по Святымъ мѣстамъ Востока Василій Григорьевичъ Барскій.

Предки его были жителями города Бара, нынѣ заштатнаго города Подольской губерніи. Могилевскаго уѣзда, принадлежавшаго въ то время Польскому Королевству ¹. Во время казацкихъ войнъ, въ 1648 году, Баръ былъ взятъ, а въ 1651 году обращенъ въ пепель. Это событіе понудило дѣда Василя Григорьевича, Ивана Григоровича покинуть городъ отцевъ и со всѣмъ своимъ семействомъ переселиться въ Малороссію. Одинъ изъ сыновей Ивана Григоровича, Григорій, отецъ нашего странствателя, по смерти отца женился въ Малороссійскомъ мѣстечкѣ Лѣткѣ нынѣ Черниговской губерніи, Остерскаго уѣзда, на дѣвицѣ Маріи и вскорѣ послѣ того переѣхавъ въ Кіевъ, поселился тамъ въ Печерской слободѣ. Еще въ дѣтскомъ возрастѣ ихъ сыну Василю довелось быть свидѣтелемъ страшнаго прояв-

¹ Городъ Баръ, въ древности Ровъ, такъ называлъ только въ XVI вѣкѣ, Боною Сфорца, супругою Польскаго короля Сигизмунда I въ воспоминаніе города Бари, въ которомъ почиваютъ мощи Святителя Христова Николая.

II

ленія гнѣва Божія. Въ 1710 году, въ Кіевѣ явилась чума. вмѣстѣ съ другими этотъ бичъ Божій принудилъ и Григорія Ивановича Барскаго оставить Кіевъ и со всѣмъ своимъ семействомъ выселиться „въ поле“. Когда же опасность миновала, онъ снова возвратился въ Кіевъ и поселился на Подолѣ близъ соборнаго храма Успенія Пресвятыя Богородицы.

О жизни сына его Василя мы имѣемъ единственныя свѣдѣнія, которыя находимъ на страницахъ его „Странствованія по Святымъ мѣстамъ Востока“. Отецъ Василя, Григорій Ивановичъ, по свидѣтельству сына, былъ „книжень точію въ Россійскомъ писаніи и въ церковномъ пѣніи“. Занятый торговлею и къ тому же имѣя предубѣжденіе противъ ученыхъ, примѣчая въ нихъ „излишнее прѣнне, гордость, тщеславіе, славолюбіе, зависть и прочая“, очень естественно старался отклонить своего сына отъ ученаго поприща и пріучить къ торговымъ занятіямъ. А между тѣмъ Василій, еще съ дѣтскихъ лѣтъ, по свидѣтельству его брата Ивана, былъ „любопытенъ“ ко всякимъ наукамъ и художествамъ и „имѣлъ охоту видѣть чужія страны“. Такимъ образомъ, юный Василій невольно долженъ былъ стать въ противорѣчіе съ желаніями отца, что сдѣлало жизнь его въ родительскомъ домѣ не особенно радостною. По счастью, въ своемъ стремленіи къ ученію, Василій нашелъ поддержку въ своей матери, которая съумѣла убѣдить своего мужа не препятствовать благому желанію ихъ сына. Василій поступилъ въ Кіевскую Академію, и какъ слѣдуетъ предполагать, во время ректорства въ оной знаменитаго Теофана Прокоповича (1709—1716). Судьба не дозволила однакожь Барскому окончить курсъ въ Академіи. Когда онъ достигъ уже до „началь философскихъ“, то у него открылась на лѣвой ногѣ язва, лишившая его возможности ходить. Онъ принужденъ былъ

оставить Академію и приняться за лѣченіе. Пользовавшіе его Кіевскіе врачи не принесли ему пользы. Въ то время, когда больной потерялъ уже всякую надежду „исцѣлится“, до него доходитъ слухъ, что одинъ изъ его товарищей, нѣкто Іустинъ Леницкій, братъ бывшаго архіепископа Суздальскаго Варлаама¹, задумалъ ѣхать „въ Полшу до града Льова, ради совершенія болшихъ наукъ“. Это извѣстіе оживило Барскаго и имѣло на него рѣшающее значеніе. „Виждь“, восклицаетъ онъ, „нечаянное Божіе о мнѣ смотрѣніе“. И онъ „тому поревновахъ“, рѣшился вмѣстѣ съ Іустиномъ ѣхать во Львовъ. Пользуясь отсутствіемъ отца, онъ оставляетъ родительскій домъ, и мать „съ многими рыданіемъ и слезами“ благословляетъ своего сына на далекій путь.

Двадцатидвухлѣтній Василій вмѣстѣ съ товарищемъ Іустиномъ выѣхали изъ Кіева 20 Іюля 1723 г. Едва они покинули городъ, какъ возвратился домой отецъ Барскаго и тотчасъ послалъ слугу за сыномъ въ погоню. На всѣ увѣщанія слуги вернуться домой, Василій остался непреклоненъ и пославъ отцу „должній синовній поклонъ“, продолжалъ свое путешествіе. Изъ Почаева, отъ 13-го Августа, онъ отправилъ къ отцу письмо, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Простѣте и благословѣте, а не клѣнѣте мя грѣшнаго, дабы ми, за благословеніемъ Божіимъ и вашимъ отеческимъ, всякіе замысли и поступки благополучніи были“. О дальнѣйшихъ своихъ намѣреніяхъ Барскій пишетъ въ этомъ письмѣ нерѣшительно: „Извѣщаю, же иду до Льова, а пѣвнѣ не извѣщаю гдѣ буду; Богъ вѣсть, може еще и далѣй пойду?“ Очевидно, что на первыхъ порахъ Барскій не имѣлъ

¹ Варлаамъ хиротонисанъ 31 Мая 1719 г.

какихъ либо опредѣленныхъ цѣлей, а одно только неопредѣленное желаніе видѣть свѣтъ и „иныхъ людей обычаи“. Во Львовѣ искусный врачъ вылѣчилъ ногу Барскаго и онъ сталъ хлопотать о поступленіи во Львовскую іезуитскую академію. „Да искусимъ“, пишетъ Барскій, „ихъ преданія ученій“. Но православныхъ, и особенно Кіевскихъ, въ эту академію не допускали; а потому для достиженія своей цѣли Василій вмѣстѣ съ Іустиномъ рѣшились прибѣгнуть къ хитрости, въ то время весьма обычной. Они объявили себя братьями Барскими, уроженцами Польскаго города Бара. Такимъ путемъ они проникли въ академію и поступили въ классъ риторики. Обманъ однакоже вскорѣ открылся и они были изгнаны изъ академіи „яко волци отъ лѣсовъ Кіевскихъ“. Барскій не упалъ духомъ и утѣшалъ себя благочестивымъ размышленіемъ, что Богу не угодно было оставить ихъ, воспитанныхъ въ православной вѣрѣ, среди латиновъ и онъ сталъ убѣждать своего спутника Іустина: „да идемъ къ инымъ градомъ и видимъ инихъ людей обычаи“. Къ исполненію этого намѣренія Барскаго способствовало и слѣдующее обстоятельство. Во Львовѣ они сошлись съ Русскимъ священникомъ, Стефаномъ Протанскимъ. Онъ потерялъ жену и „ради разгнанія своей печали“, рѣшился отправиться въ Римъ. Узнавъ объ этомъ, Барскій и Іустинъ предложили Протанскому идти туда вмѣстѣ и Протанскій съ радостію принялъ ихъ предложеніе. „Мнѣ же“, пишетъ по этому поводу Барскій, „не бысть толь желаніе до Рима, елико до Святителя Христова Николая въ Баръ градъ“. Денегъ для этого путешествія Барскій имѣлъ хотя и „зѣло мало“, но онъ возложилъ все свое упованіе на Бога и „на милость христіанскую“. Предпринимая дальнее путешествіе, Барскій запасается не только патентомъ отъ

архієпископа Львовскаго, долженствующимъ открыть ему двери католиковъ, но даже и отъ Львовскаго еврейскаго кагала. Наши путешественники, въ одѣяніи Римскихъ пилигримовъ, вышли 23 Апрѣля 1724 года, изъ Львова. Перебравшись черезъ сѣверо-восточный уголь Карпатскихъ горъ, достигли города Кашау, гдѣ, не имѣя чѣмъ жить, ходили по городу и просили милостыню. Это такъ непріятно поразило священника Протавскаго, что онъ рѣшился разстаться съ своими товарищами. Для самаго же Барскаго это „художество“ не могло быть новымъ. Онъ въ Кіевѣ довольно насмотрѣлся, какъ тамошніе ученики цѣлыми десятками расходились по разнымъ городамъ и селамъ Кіевской и Черниговской губерніи, для собиранія подаяній. Кромѣ того многіе бѣдные ученики каждый день въ обѣденное время ходили по Кіевскимъ улицамъ и предъ каждымъ домомъ пѣли разные священные стихи, испрашивая у жителей христіанской милостыни. Изъ Кашау Барскій черезъ Эрлау пришелъ въ Пешть, гдѣ нашель помощь у православныхъ Сербовъ, и думалъ, чрезъ Сербію и Далмацію, отправиться въ Венецію; но „благоразсудніи людіе“ имъ посовѣтовали идти туда на Вѣну, „да и столицу цесарскую узримъ и крѣпкими себѣ въоружимъ патентами“. Такъ они и сдѣлали. Разставаясь съ Венгрією, Барскій съ благодарностью отзывается о страннолюбіи ея жителей. Иное встрѣтилъ онъ, когда вступилъ въ Нѣмецкую землю, гдѣ онъ не нашель „никаковаго страннолюбія, ни мылости отъ Нѣмецкаго народа, естественно сущаго немилосерднаго“. Но къ чести Нѣмцевъ Барскій сообщаетъ, что земля ихъ „мырна есть отъ разбійниковъ“. 1-го Іюня 1724 года, путешественники увидѣли передъ собою „славный градъ“ Вѣну. Всевозможныя затрудненія при-

VI

шлось имъ преодолѣть, чтобы проникнуть въ самый городъ, который показался Барскому „аки прекрасный рай“ Здѣсь нашимъ бѣднымъ странникамъ удалось достать себѣ патенты отъ папскаго нунція и отъ Венеціанскаго посла. Полученіе этихъ патентовъ было крайне для нихъ необходимо; ибо Барскій отъ кого то слышалъ, что немѣющихся „Вѣденскаго (Вѣнскаго) патента берутъ на галелы, си есть на вѣчную въ узахъ работу“. Черезъ Штирію и Каринтію путешественники добрались до Венеціи. Когда Барскій увидалъ въ первый разъ море, то помянулъ Пророка, вопіюща: „Нисходящія на море въ кораблехъ и творящія дѣланія въ водахъ многихъ, ти видѣша дѣла Господня и чудеса его въ глубинѣ“. По прибытіи въ Венецію, Барскій на другой же день отправился въ Православную церковь Св. Георгія. Такъ какъ Барскій въ то время еще не зналъ Греческаго языка, то очутился въ затруднительномъ положеніи, изъ котораго его выручали дѣти Грековъ, обучавшіеся въ церковной школѣ Латинскому языку. Они завязали разговоръ съ нимъ на этомъ языкѣ. Подошли и учителя и стали бесѣдовать о вѣрѣ. Донесли протопопу, что пришедшіе странники „суть православны и благочестивыи христіяне“; да къ тому же родомъ „отъ Россійскихъ странъ“. По поводу послѣдняго показанія, Барскій замѣчаетъ: „зѣло бо тамо таковыхъ людей любятъ“. Въ Венеціи, въ этотъ разъ, Барскій пробылъ всего только два дня. Чрезъ Падую, Феррару, Болонью, Пезаро, Фано и Анкону, слѣдуя берегомъ Адриатическаго моря, онъ пришелъ въ Лорето. Изъ Лорето путешественникамъ предстояло два пути: кратчайшій—въ Римъ, дальнѣйшій—въ Бари. Барскій настоялъ идти въ Бари прямо изъ Лорето. „Аще“, пишетъ онъ, „пойдемъ первѣе къ Риму, доволни будемъ видѣніемъ величества, кра-

соти и славы его и облѣнимся пойти поклониться мощемъ угодника Божія Святителя Христова Николая.“ Невыразимыя страданія пришлось испытать нашимъ путешественникамъ, когда они шли въ самое жаркое время года, по сухой, неплодной, безводной Калабріи. Къ довершенію бѣды близъ Барлеты, Барскій потерялъ свои патенты, а пилигримъ безъ патентовъ, по замѣчанію Барскаго, тоже что „человѣкъ безъ рукъ, воинъ безъ оружія, птица безъ крыль, древо безъ листвія“. Наконецъ, послѣ девятидневныхъ страданій, Барскій достигаетъ давнишней своей цѣли, пресловутаго града Бара, и онъ удрученный потерю патентовъ и болѣзнію ноги, „присно же приходядахъ къ гробу Святителя Христова Николая, моля его съ слезами, да ми поможетъ въ обѣхъ тѣхъ“. Молитва его была услышана. Нога его исцѣлилась и патенты его нашлись; но вслѣдъ за тѣмъ Барскаго постигаетъ новая бѣда. Жестокая лихорадка удерживаетъ его въ Барлетѣ; а сорутникъ его Іустинъ, не желая дожидаться выздоровленія своего товарища, уходитъ въ Римъ, оставляя Барскаго одного „скорбна и болѣзненна“. Съ тѣхъ поръ товарищи уже не сходились и судьба Іустина Леницкаго остается намъ неизвѣстною. Въ это трудное время, какъ и всегда, Барскій не упалъ духомъ и онъ „помянухъ Бога и возвеселихся“. Одинъ одиноконекъ, въ чужой землѣ, зная только книжный Латинскій языкъ, котораго не разумѣлъ простой народъ въ Италіи, безъ денегъ, въ лютой лихорадкѣ, томимый жаждою, шелъ онъ по пути къ Риму и наконецъ, наканунѣ Успенія, дотащился до Неаполя, гдѣ въ гостиницѣ Св. Троицы Барскій нашель себѣ пріютъ и успокоеніе. Пробывъ нѣсколько дней въ Неаполѣ, Барскій отправился въ Римъ сухимъ путемъ и 29 Августа 1724 года, взорамъ его открылся вѣчный городъ. „И видѣхъ“, пишетъ онъ,

VIII

„Римъ отвнѣ зѣло много красенъ; много бо услаждають зѣнници людскіе оніе церкви древнимъ строеніемъ съ многими главами, цѣнію и мѣдію покровенни и позлащенніе на себѣ крести и мушцами“. По цѣлымъ днямъ Барскій бродилъ по Риму: заходилъ въ церкви, осматривалъ княжескіе и кардинальскіе дворы и палаты, любовался красотой града, наблюдалъ нравы и обычаи народа. Между прочимъ ему удалось воспользоваться даже гостепріимствомъ самаго Папы. Въ Римѣ Барскій прожилъ около 3-хъ недѣль и оставилъ вѣчный городъ, сознавая, что о великомъ и пресловутомъ отъ запада до востока градѣ Римѣ „многія повѣсти требѣ, по достоянію славы и лѣпоти его“. Путь свой Барскій направилъ опять въ Венецію, идя туда черезъ Флоренцію, Болонью и Феррару, съ надеждою вернуться оттуда прежнимъ путемъ „въ страну Полскую“. Въ Венеціи Барскій пріютился въ богадѣльнѣ знакомой ему уже греческой церкви и не рассчитывалъ долго пробыть въ Венеціи мечтая возвратиться на родину черезъ Далмацію, Боснію, Сербію и Болгарію. Вслѣдствіе сего онъ почти ежедневно ходилъ на пристань развѣдывать: нѣтъ ли корабля, отправлявшагося въ Зару. „Не виденія ради“, хотѣлъ онъ посѣтити этотъ городъ, „понеже многа видѣхъ красна и чудесна; но посѣщенія ради мощей угодника Божія святаго Симеона Богопріимца“. Проходила недѣля за недѣлею, а онъ не находилъ добродѣтельнаго капитана, который довезъ бы его до Зары „Христа ради“. Вызванные его прошеніемъ упреки, что пилигримъ, путешествуя по свѣту и обходя страны и земли „многія собираетъ бацисы есть денги“, заставляютъ Барскаго излить свою скорьбу въ одной изъ краснорѣчивѣйшихъ страниць своихъ записокъ: „Всякъ бо путникъ“, пишетъ онъ, „аще истиненъ путникъ есть, аще путешествуетъ Христа ради,

не собранія ради имѣнія ходяй, прося въ мирѣ, не видѣнія ради мирскихъ красотъ и разнствованія земель, народовъ и обикновеній, но аще путешествуетъ или по обѣщанію, или по желанію, или спасенія ради своего, посѣщая мѣста святіе, на нихъ же шествоваху, или биша, или стоятъ нозѣ Господа нашего Іисуса Христа, или поклоненія ради мощемъ святыхъ угодниковъ Божіихъ,—таковій долженъ есть ангельское имѣти житіе, частѣ исповѣдая грѣхи своя. Сего ради“, продолжаетъ онъ, „путникъ аще и нагло помретъ, мню, яко не точію не лишится царствія Божія, но еще мученическій воспрійметъ вѣнецъ, понеже болѣзни и страданія, зной, варъ, дожди и снѣзи лютіе претерпѣвая, подвизаяйся даже до смерти самоволно, Христа ради“. Въ безвыходныхъ хлопотахъ объ отъѣздѣ изъ Венеціи, пропелъ для Барскаго мѣсяцъ Октябрь. Наступили холода, вѣтры, и онъ рѣшился зимовать въ Венеціи. Протопопъ о. Василій благословилъ Барскаго остаться при Греческой церкви. Между тѣмъ ему „омерзѣ дозѣла“ праздное препровожденіе времени и онъ рѣшился посвятить свободное время изученію Греческаго языка. Къ тому же Греки, какъ единовѣрцы, очень полюбили Барскаго и охотно допустили его до занятій въ церковной школѣ. Только товарищи Барскаго по богадѣльнѣ отнесли съ насмѣшкой къ этимъ занятіямъ его и со смѣхомъ называли его „премудримъ Соломономъ“. Барскій съ сожалѣніемъ говоритъ, что ему мало времени удавалось посвящать занятіямъ, такъ какъ онъ принужденъ былъ часто ходить по городу и просить милостыню. Не рѣдко Барскій заходилъ и на площадь Св. Марка, гдѣ ему пришлось однажды присутствовать при зрѣлищѣ, которое его, какъ малороссіянина, возмутило до глубины души. Травили вола собаками. И можетъ быть, смотря

на это, вспомнилась ему его далекая родина, гдѣ воля есть неизмѣнный спутникъ и кормилецъ человѣка. И можетъ быть зазвучали въ душѣ его родныя пѣсни, величающія столь любезное Малороссіянамъ чумакованье. Пѣсни, отражающія въ своей унылой однообразной мелодіи безбрежную степь, съ безоблачнымъ небомъ, палящимъ солнцемъ и въ этой величавой обстановкѣ, мѣрное, „съ важностью спокойной“ движеніе воловъ, сопровождаемое загорѣлыми чумаками. Когда же на чужой сторонѣ представилось ему это зрѣлище травли и веселіе зрителей, то изъ его души вылились слѣдующія прочувствованныя строки: „азъ едва не плакахъ, видящи таковое мученіе незлобиваго звѣри, отъ неблагословенной бестіи терпимое люгѣ. Помянухъ бо азъ грѣшный тогда, глаголющи въ умѣ своемъ, яко звѣрь оній великія чести достоинъ, понеже ни единъ отъ иннихъ въ вертепѣ рождшемся Христу Господу не сподобися служить, токмо онъ и подобній другъ его незлобивый осель“. Между тѣмъ наступилъ 1725 годъ, а съ нимъ и Италіянская весна. Пахнуло „отъ теплоты диханія морскаго“. Виѣстѣ съ весною у Барскаго обновилась непреодолимая жажда къ путешествію. Однажды случилось ему разговориться объ этомъ предметѣ съ однимъ ученикомъ Греческаго училища, который замѣтилъ Барскому, что не мѣшало бы ему побывать въ „волной Греціи“. Тамъ, сообщалъ онъ, „Святыхъ Божіихъ мощи“, а люди „милосердны на путешниковъ“. Эти слова запали въ душу Барскаго и потянули его на Святой Востокъ. Одно только нѣсколько печалило Барскаго: не было у него спутника, съ которымъ онъ могъ бы дѣлить труды и трудности страннической жизни. Случайно на площади Св. Марка столкнулся Барскій съ такимъ спутникомъ. Это былъ бывшій архимандритъ Тихвинскаго монастыря Рувимъ Гурскій, нѣ-